

На липецкой сцене комсомольцы построили «Квадратуру круга»

Получив пьесу «Квадратуру круга» для постановки на сцене МХАТа в 1927 году, Станиславский назвал её «талантливой шуткой Катаева». Публике она тоже пришлось по вкусу — только в этом театре спектакль был показан более шестисот раз, не говоря уже о постановках в других театрах, городах и странах. Её и сегодня жалуют режиссёры и в России, и за рубежом.

На сцене Липецкого академического театра драмы им. Л.Н. Толстого «Квадратура круга» ставится впервые. Возникает закономерный вопрос: может ли водевиль 30-х годов прошлого века сказать что-то важное современному зрителю? Оказалось, может, да ещё как! В подтверждение тому реакция школьников, пришедших в театр 22 января в рамках обычной культпросветпрограммы, но смотревших спектакль далеко за этими рамками.

Признаюсь, поначалу соседство учащихся старших классов в зрительном зале меня не очень-то обрадовало: гогот, шумные перешептывания во время действия и неуместные комментарии мало способствуют приятному просмотру. Можете представить мою радость минут через пятнадцать после начала спектакля, когда я поняла, что дети молчат?! И не только не ведут между собой пространных бесед и не тыкают лениво в кнопки гаджетов, но внимательно смотрят на сцену, следят за актерами, вникают, переживают.

В общем-то, их можно понять. Интригующий сюжет увлекает с первых минут. Красивая, правда, очень шумная и истеричная барышня мечется по сцене, обаятельный юноша,

пытаясь её унять, сыплет шутками. Согласитесь, это не может не привлечь внимание и не вызвать желание разобраться что же происходит на сцене.

В постановке режиссёра Сергея Бобровского никакой идеологической подоплеки нет. «Квадратура круга» хоть и комсомольский водевиль, агитационного заряда в себе не несёт. Наоборот, он существует как бы вне времени и пространства. Это история четверых молодожёнов, легкомысленные браки которых приводят к конфузу в начале пьесы и драматической развязке в конце, поскольку каждый из героев понимает, как далека существующая реальность от их чаяний и как зыбки были их, казалось бы, нерушимые жизненные установки.

Но драматизм истории вовсе не кажется гнетущим и беспросветным, поскольку в постановке Бобровского выдержан авторский жанр, а водевиль, как ни крути, заставляет смеяться даже там, где в драме обычно плачут. Зал взрывался хохотом от попыток **Абрама** (Вячеслав Болдырев) «информировать» соседа по комнате **Васю** (Дмитрий Гусев) о своей женитьбе и от его беспрестанных комичных поисков чего-нибудь поесть, от навязчивых проявлений нежности Людмилы (Мария Соловей) и её стремлений сделать супруга «толстеньким-толстеньким», от сцен объяснения в любви и даже от семейных драм с криками, истериками и хлопаньем дверью. Очень колоритны и персонажи второго плана — горластый гуляка-поэт **Емельян Черноземный** (Эмин Мамедов) и тихий **пьяница-барabanщик** (Владимир Борисов), особенно в сцене с письмом Абраму от **Кузнецовой** (Анастасия Абаева) и следующими за ней на радостях вертепными плясками с фикусом.

Единственный персонаж, который не вызывает улыбки, а, скорее, заставляет зал притихнуть — **Флавий** (Андрей Литвинов), этакий ответственный партийный работник с тёмным чекистским прошлым. Он-то и помогает навести порядок в сердечных метаниях главных героев, останавливает драку пистолетным выстрелом и помогает восстановить мир в комсомольских семьях. Но, несмотря на свою суровость и безапелляционность суждений, именно он произносит заключительные слова: «Любите друг друга! Не валяйте дурака!»

Ощущение некоей беззаботности и ожидание счастливой развязки создавало и цветовое оформление сцены. Белые дверь, шкаф, салфетки и кафель, задняя стена сцены цвета морской волны, покрывало в тон, платье гостя и ленты на одежде Людмилы того же оттенка, козлы, обитые золотистой тканью и жёлтый абажур — всё это делало пространство сцены воздушным, а неприглядный интерьер послевоенной разрухи и грубый камуфляж некоторых героев менее суровыми. Единственным недоразумением в исполнении костюмов героев оказалась тубетейка еврея Абрамчика, которая ну никак не вяжется с его национальной принадлежностью. А в оформлении пространства сцены досадным стало решение развернуть «скамейку с Патриарших» спиной к залу и лишить возможности зрителей центральных рядов наблюдать потрясающие умильные реакции Абрама на речь своих собеседников и подмечать шикарную мимику его «свободной подруги жизни» Тони Кузнецовой. Не все увидели и два скромно висевших в правом углу стены плаката — советской агитации против «белых» и чертежа той самой [квadrатуры круга](#). Кстати, именно его воссоздали герои пьесы в кульминационной сцене. Людмила, Тоня, Абрам и Вася стали живыми вершинами этого квадрата, а их отношения — неразрешимой математической задачей, решить которую они смогли только бросившись навстречу любимым.

В общем-то, об отношениях мужчины и женщины и писал Катаев. Герои липецкой постановки искали ответ на вопрос Васи «А как же любят?», узнавали на личном опыте, достаточно ли для создания семьи «сходства характеров и рабочего контакта», и, наконец, разрешали мучившую Абрама проблему «Что этично? А что не этично?» заключительными юмористическими куплетами.

Очень метко о «Квадратуре круга» сказал в своё время Станиславский: «Катаев не стремится вздыбить мир! От этого его творчество не менее почётно. Оно несёт людям радость, которой не так уж много в жизни, оно заставляет их пристально вглядываться в теньевые стороны их бытия, бороться с ними». К описанию постановки Липецкого академического театра драмы слова Константина Сергеевича более чем применимы.

Так что, идёте ли вы на «Квадратуру круга» весело провести время и подпитаться позитивной энергетикой, коей щедро делятся артисты, или же вас интересуют философские поиски и скрытые за водевильным гомоном идейные послы, вам в любом случае будет на что посмотреть.